

**ВОСПРИЯТИЕ АЛЕКСАНДРЫ ФЁДОРОВНЫ ВО ДВОРЕ ВДОВСТВУЮЩЕЙ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЁДОРОВНЫ
(НА ОСНОВЕ ДНЕВНИКА С.Д. ШЕРЕМЕТЕВА)**

DOI: 10.25629/НС.2021.05.S12

Русин Д.О.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Статья посвящена анализу восприятия супруги Николая II Александры Фёдоровны вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной и её двором, ярким представителем которого был граф Сергей Дмитриевич Шереметев. Последняя российская царица часто становилась предметом их разговоров, что подробно отражал граф в своём дневнике. На основе этого источника автор пытается реконструировать представления об Александре Фёдоровне, которые бытовали во дворе вдовствующей императрицы. Учитывая большой авторитет, которым обладала Мария Фёдоровна, это восприятие вносило весомый вклад в формирование определённого образа её невестки в обществе. В ходе исследования автор приводит многочисленные критические замечания, которые Мария Фёдоровна и С.Д. Шереметев отпускали в адрес Александры Фёдоровны, и выясняет, насколько тот образ, который создавался ими, соответствовал реальному. Он приходит к выводу, что самыми распространёнными претензиями с их стороны по отношению к супруге Николая II были её замкнутый образ жизни, который изолировал царскую чету от общества, и растущее политическое влияние Александры Фёдоровны. Многочисленные критические замечания Шереметева о ней, во многом вынесенные из бесед с вдовствующей императрицей, по мнению автора, доказывают влияние последней на формирование негативного образа её невестки в российском обществе начала XX века.

Ключевые слова: Мария Фёдоровна, Александра Фёдоровна, Сергей Дмитриевич Шереметев, Николай II.

Введение

В годы правления последнего российского царя Николая II в России было две императрицы: вдовствующая Мария Фёдоровна, его мать, и царствующая Александра Фёдоровна, его супруга. К моменту его восшествия на престол Мария Фёдоровна жила в России вот уже 28 лет, став женой наследника престола Александра Александровича ещё в 1866 году, поэтому русскому обществу она была хорошо знакома. Александра Фёдоровна же, гессен-дармштадтская принцесса, была лишена этого периода адаптации, став супругой уже царствующего императора.

У Марии Фёдоровны за много лет пребывания в России сложился свой двор, важным представителем которого был видный политический и общественный деятель Сергей Дмитриевич Шереметев, ярко выраженный консерватор, с которым её связывали тёплые дружеские отношения. В своих дневниках он подробно фиксировал содержание встреч с вдовствующей императрицей. В беседах они довольно часто упоминали Александру Фёдоровну, давали ей оценочные суждения. Учитывая авторитет, которым обладала Мария Фёдоровна, её мнение вполне могло формировать в обществе определённый образ молодой императрицы. В этом контексте важно проследить восприятие Марией Фёдоровной своей невестки. Это поможет понять причины непопулярности Александры Фёдоровны, в том числе и в консервативных кругах, представителем которых являлся Сергей Дмитриевич Шереметев.

Краткий обзор литературы

Тема взаимоотношений Марии Фёдоровны и Александры Фёдоровны так или иначе затрагивалась в биографиях, посвящённых Николаю II и этим императрицам. Как правило, исследователями отмечалась разность в характерах и отсутствие душевного расположения между царицами [12, с. 145], обладание большим авторитетом в обществе у Марии Фёдоровны и отсутствие такового у её невестки [16, с. 93], нежелание вдовствующей императрицы лишаться

своего прежнего статуса [17, с. 97]. Однако эта тема не была центральной в данных монографиях: не рассматривался аспект влияния Марии Фёдоровны на формирование образа Александры Фёдоровны в обществе, отношения представителей её двора к супруге Николая II. Отсюда изучение данной проблемы остаётся актуальным.

Первое впечатление

В октябре 1894 года умер Александр III и на престол вступил его сын Николай II. Немного спустя, в день рождения императрицы Марии Фёдоровны (14 ноября), когда церковь разрешила ослабить траур по усопшему, состоялось бракосочетание нового царя с принцессой гессен-дармштадтской Алисой.

В первое время после свадьбы молодожёны были вынуждены поселиться под одной крышей с Марией Фёдоровной, которая приютила их в Аничковом дворце. У них не было своей столовой, поэтому они ели за одним столом с вдовствующей императрицей [13, с. 82]. С.Д. Шереметев, которого Мария Фёдоровна часто приглашала к себе на обед, 2 декабря 1894 года записал свои наблюдения. В них он отмечал разницу в характерах свекрови и невестки: «молодая императрица ... застенчива, в разговорах с тещей ещё стесняется и вообще молчалива. Когда она обращалась к мужу, лицо её оживлялось, светлело – но вообще она казалась сдержанна. Кажется, нет особенной прелести – у Марии Фёдоровны больше шарму» [1, л. 60]. А 26 января 1895 года граф отметит: «Весь разговор вела Мария Фёдоровна..., молодая молчала как рыба» [1, л. 71]. Как видно, Шереметев сразу отдал предпочтение Императрице-матери, так как она могла очаровывать людей, располагая их к себе, и поддерживать светскую беседу, что в высшем обществе было немаловажно.

Такое поведение Александры Фёдоровны находило непонимание у вдовствующей императрицы, которая по характеру и темпераменту являлась полной противоположностью ей. Как-то в беседе с министром Императорского двора и уделов бароном В.Б. Фредериксом она сказала: «Без неё Ники был вдвое популярнее. Она не отдаёт себе отчёта, как нужна популярность. <...> Я ей говорила всё это, но она или не понимает, или не хочет понять, а потом жалуется, что её не любят» [18, с. 25–27].

Двор Марии Фёдоровны также негативно воспринимал молодую императрицу, о чём свидетельствовала сестра царя Ольга Александровна: «Следует ещё сказать, что моя мать охотно слушала сплетни. И в этом отношении её подруги с самого начала были не очень дружелюбны к Алике – излюбленной темой была для них её зависть к свекрови» [21, с. 145–146].

Образ Александры Фёдоровны в беседах вдовствующей императрицы с С.Д. Шереметевым

В разговорах с Шереметевым Мария Фёдоровна отмечала неуверенный характер своей невестки, списывая это на отсутствие опыта: «Говорила, что в первый раз видела свою *belle fils* (невестку - фр.) “в свете” – говорила о её болезненной застенчивости ... но выражала надежду, что со временем должно пройти. Сказала, что в словах было мало уверенности» [2, л. 1].

У Сергея Дмитриевича же было другое мнение. После одного из приёмов в Зимнем Дворце 27 марта 1898 года он записал: «Императрица Александра Фёдоровна приплыла из её комнаты и прильнула к Муравьёву ... корпусом наклонилась и стереотипная улыбка показала на невесёлом лице... Возвращаюсь к Александре Фёдоровне: говорят “застенчивость”. Так ли? Или презрение?» [2, л. 14].

Мария Фёдоровна довольно быстро изменила свою позицию и стала солидарна с графом, о чём можно узнать из записи в его дневнике от 21 апреля того же года: «*au commencement j'esperai croyant que c'est la timidité et à présent je n'espere plus. C'est bien triste*” (вначале я надеялась, полагая, что это застенчивость, а теперь я больше не надеюсь. Это действительно печально. – фр.). Говорила о необщительности, об отсутствии привычки гостеприимства. Как пример рассказала, что, когда Ксения Александровна (старшая дочь Марии Фёдоровны – Д.Р.) жила в Зимнем Дворце, то её не пригласили, когда приглашены были дядя. Я сказал, что нельзя ограничиваться приёмами и докладами, и не иметь сношений с людьми помимо того “*c'est humain*” (это по-человечески. – фр.) и жить без этого скучно и трудно» [2, л. 27].

Причины подобного негостеприимства лежали не только в закрытом характере Александры Фёдоровны, но ещё и в постоянных недомоганиях, вызываемых частыми беременностями. Её фрейлина Софья Буксгевден отмечала в мемуарах, что императрица всегда чувствовала себя плохо перед родами, а так как почти все дети появились на свет весной или в начале лета, то она «была недееспособна именно зимой – во время петербургских “сезонов” – балов и увеселений» [13, с. 133–134].

Довольно обстоятельный разговор об Александре Фёдоровне состоялся у вдовствующей императрицы и Шереметева 7 мая 1906 года. Граф в очередной раз отметил её непопулярность в стране, а императрица в ответ на это начала рассуждать о причинах такого закрытого характера невестки: «Все её недостатки от отсутствия воспитания, от незнания истинной семейной жизни (она матери своей не помнит, а отец давал ей полную волю). Она никогда не проходила через школу воспитания и была избалована» [3, л. 56, об.].

Это высказывание не соответствовало действительности: принцесса Аликс воспитывалась своей матерью Алисой, дочерью королевы Виктории, в строгом пуританском духе [16, с. 15–16]. После смерти Алисы её супруг, герцог Людвиг IV, продолжал в воспитании детей следовать её правилам [13, с. 28]. В словах вдовствующей императрицы сквозит обида на Александра Фёдоровну, которая редко её навещала: «Как пример странности ... сухости и бестактности М<ария> Ф<ёдоровна> рассказала, что она не прислала детей с ней проститься перед отъездом в Петергоф ... так и не прислала без всяких объяснений – и сама не пришла: “mon fils est venu” (мой сын пришёл. – фр.) – добавила она. “Enfin ils tout tres heureux (в конце концов, они очень счастливы. – фр.), а это главное”. Во всё пребывание М<арии> Ф<ёдоровны> в Гатчине (по возврате из-за границы) Алекс<андра> Фёд<оровна> ни разу её не навестила! “Elle ne le comprends pas (Она этого не понимает. – фр.)” и опять всё объяснила недостатком воспитания» [3, л. 56, об.–57, об.]. Граф, который в оценке личности Александры Фёдоровны был солидарен с императрицей, резюмировал: «Чего ж ожидать от этой холодной Ц<арской> четы? ... вот почему мы зашли так далеко – нет отпора. Нет – потому что воодушевление невозможно!» [3, л. 57, об.].

Шереметев последовательно записывал в дневнике критические замечания об Александре Фёдоровне, которыми одаривала её вдовствующая императрица. Так, в мае 1908 года она поделилась впечатлением от визита английского короля Эдуарда VII в Ревель, который проходил в семейной атмосфере: «Рассказывала ... как все были веселы и довольны начиная с Государя ... Говорила об Императрице Алекс<андре> Фёдоровне, что она одна по настроению не соответствовала, еле ходила и наконец её понесли – ревматизмы в ногах ... безучастно держалась в стороне» [4, л. 82]. В конце года Мария Фёдоровна жаловалась Шереметеву, что, несмотря на “здоровый вид”, невестка «у нее ни разу (подчеркнуто в тексте. – Д.Р.) еще в Гатчине не была» [4, л. 188].

Состояние Александры Фёдоровны, с детства не отличавшейся крепким здоровьем, ещё больше подрывалось постоянными заботой и волнением о её маленьком сыне – цесаревиче Алексее Николаевиче, который был болен гемофилией. По свидетельству Софьи Буксгевден, именно в 1908 году у царицы начались проблемы с сердцем, из-за чего она была вынуждена всё больше времени проводить на софе [13, с. 204]. Круг общения вследствие этого фактора сужался, и контакты с Марией Фёдоровной становились всё более редкими.

Всё это не могло не вызывать обиду с её стороны, чем она продолжала делиться с Шереметевым: «...потом говорила об Императрице Алекс<андре> Фёдоровне – о её стремлении чуждаться людей – ни с кем не общаться, о скучном образе их жизни: “Ils ne voient personne” (Они никого не видят. – фр.) ... С горечью говорила, что это не в характере Государя жить одиноко. “Vous le savez – il est sociable”» (“Вы это знаете – он общительный” - фр.). Вновь императрица выражала недовольство тем, что её невестка не ведёт светский образ жизни и не принимает гостей: «“Ne peut pas vivre comme cela” (нельзя так жить. – фр.) продолжала она, говоря о стремлении к затворничеству Императрицы Алекс<андры> Фёдоровны». Я сказал, что с переездом в Петербург, кот<орый> должен же состояться когда-нибудь – для нор-

мальности положения – легче будет вернуться к развлечениям и к разнообразию жизни – отсутствие кот<орого> отразиться должно пагубно. Она сказала, что и в Ц<арском> С<еле> это возможно было бы при желании» [5, л. 5].

Мнение С.Д. Шереметева о царствующей императрице

Отсутствие Александры Фёдоровны на светских мероприятиях возмущало графа. В марте 1910 года её не было на встрече сербского короля, прибывшего с визитом в Россию, что не преминул отметить граф: «Конечно Императрицы Александре Фёдоровны не было. Она вся вне всего, кроме своей Танеевой (Вырубовой). Эта роковая (подчеркнуто в тексте. – Д.Р.) женщина доведет нас до беды!» [6, л. 46]. Предпочтение императрицей общества близкой подруги и фрейлины Анны Вырубовой участию в государственной и придворной жизни опытный царедворец Шереметев находил недопустимым и не скупился на эпитеты в её адрес. В конце 1911 года он констатировал: «Императрица Александра Фёдоровна болзнет беспредельно и ото всего отлынивает, что конечно имеет тяжкое, даже роковое значение» [7, л. 177].

Впрочем, даже если императрица и принимала участие в различных приёмах, Шереметева не устраивала манера, в которой она держалась на них: «Видим, как подходил немецкий флигель адъютант Гинце с большим букетом в руках, кот<орый> поднес Императрице Александре Фёдоровне. ... Она стояла неподвижно, только голова однообразно наклонилась – без улыбки и глаза серые, недобрые – когда я подходил, она стояла как статуя. Императрица Мария Фёдоровна наоборот всем улыбалась» [6, л. 69].

На фоне очаровывающей всех своим обаянием вдовствующей императрицы её невестка производила резкий контраст холодностью, и этим она, несмотря на внешнюю красоту, вызвала отторжение у графа: «Но вот подплыла величава как пава – Царица Александра и стала предо мною как лист перед травой... В розовом платье и открытыми плечами ... и с опущенными оголенными руками она ... была статна и бельфамиста и как при виде этого стана, неясно, то аскетически-мистическое, и в то же время извращенно чувственное направление, кот<орым> обуреваема эта мать Отечества? Я было начал любоваться этими сверкающими обнаженностями – но с места застыл, когда увидел устремленный ко мне неумолимый, ледяной взгляд» [6, л. 71].

В апреле 1914 года, незадолго до Первой мировой войны, Шереметеву удалось пообщаться с Александрой Фёдоровной в неформальной обстановке на обеде в Ливадийском дворце. Впервые в его обществе она вела себя непринуждённо, что позволило впечатлительному графу набросать целый психологический портрет: «Я увидел нечто неведомое в ней. Она мне представилась женщиной страстной, впечатлительной, сложной, искусственно сдержанной и не всегда удачно. ... *tres volontaire mais capable d'une certain abandon – vite atténué par la raideur. Nature complexe, impressionnable et hautain mais sincère. Éducation faussée – inspirations souvent malsaines données de simplicité, de douceur et d'élan... mais meilleures qu'elle ne paraît l'être (par faux amour propre) avec l'horizon assez étroits des petites cours et des petits pays. Plus anglaise qu'Allemande ... Elle paraît plus qu'elle ne l'est*» («очень своенравная, но способная к некоторой непринужденности, быстро приглушаемой жёсткостью. Сложная натура, впечатлительная и надменная, но искренняя ... Искаженное воспитание – часто нездоровое вдохновение, вытекающее из простоты, мягкости и порыва, но стремится быть лучше, чем кажется (из ложного самолюбия), с довольно узким кругозором маленьких дворов и маленьких стран. Больше Англичанка, чем Немка ... Она выглядит больше, чем есть (на самом деле)» – фр.) [8, л. 68].

Шереметеву удалось увидеть Александру Фёдоровну не в образе неприступной императрицы, а в качестве обычного человека со своими недостатками и достоинствами. Открытием для графа стало то, что императрица в семейном кругу была весьма открытой и эмоциональной, она могла быть как жёсткой, так и мягкой, порой экзальтированной («нездоровое вдохновение»). При всём при этом граф не увидел в Александре Фёдоровне черт, присущих для правительницы великой державы: у него сложилось мнение, что она обладает «узким кругозором», как вышедшая из маленького немецкого княжества.

Первая мировая война и революция

С началом Первой мировой войны Александра Фёдоровна активно вовлекается в общественную жизнь страны. Закончив курсы сестёр милосердия, она стала работать в госпитале, ассистируя на операциях и ухаживая за ранеными. Проверая состояние дел в провинциальных госпиталях, императрица в 1914–1915 годах посетила городов больше, чем за все предыдущие годы [13, с. 322].

Столь активная благотворительная деятельность и постоянное появление на публике способствовало росту популярности Александры Фёдоровны в обществе, чего так хотели Мария Фёдоровна и Шереметев. Однако с лета 1915 года в дневнике графа появляется всё больше критических отзывов в адрес императрицы. Это было связано, прежде всего, с её возросшим политическим влиянием: по принятии на себя Верховного главнокомандования основным местом пребывания Николая II стала Ставка, а его супруга была вынуждена принимать доклады министров.

Марию Фёдоровну угнетало влияние её невестки на политическую жизнь страны, что не могло не стать предметом обсуждения в её разговорах с Шереметевым: «Только вскользь коснулись тяжелого положения всеми переживаемого ... Выразала скорбь о постоянных вмешательствах снохи! Я сказал, что одно возможное объяснение – ее ненормальность» [9, л. 147].

В сентябре 1916 года управляющим министерством внутренних дел был назначен А.Д. Протопопов, до этого занимавшего пост товарища председателя Государственной Думы и членом октябристской партии. Ему удалось заручиться поддержкой широчайших кругов, в том числе и оппозиционных (например, Родзянко советовал Николаю II дать Протопопову пост министра торговли и промышленности) [19, с. 662]. Немаловажную роль в этом сыграла и Александра Фёдоровна, которая учитывала его работу в Думе и рекомендовала своему супругу назначить его («будет знать, как с ними себя держать») [19, с. 730].

Однако уже 10 ноября 1916 года Николай II намеревался отправить Протопопова в отставку, считая, что «он перескакивает с одной мысли на другую и не может решиться держаться определённого мнения» [19, с. 824]. Также его отставки добивался новый премьер А.Ф. Трепов. Только личное вмешательство Императрицы, срочно прибывшей в Ставку 13 ноября и остававшейся там до 4 декабря, сохранило Протопопову его пост [14, с. 484–485].

Слухи об этом немедленно появились в обществе. Благодаря своему сыну Дмитрию Шереметев узнал подробности произошедшего в Ставке: «Много рассказывал интересного и печального о пагубном влиянии И<мператрицы> А<лександры> Ф<ёдоровны>, почти неменяемой и меняющей Г<осударя> в свободе его действий, что вызывает серьезные опасения. Она отстаивает Протопопова и продолжает вмешиваться в дела государственные, от того усиление общего возбуждения. С чего всё та же Вырубова с своей кличкой, прозываемая “хромой черт”. Трепову нельзя управлять при таких условиях, но все понимая, у самого не хватает воли ... чтобы бороться с оккультными влияниями. Это трагедия, лишаящая все лучшие элементы покая» [10, л. 170].

Таким образом, эпизод с оставлением Протопопова на своей должности убедил графа в существовании «тёмных сил», которые не позволяли проводить Николаю II самостоятельную политику. Кроме того, Шереметев понимал бессилие Марии Фёдоровны повлиять на царя: «Она ведь говорила сыну – но “ночная кукушка” сильнее. Она же сидит в Ставке, чтобы обделывать свои дела и своих клеветов» [10, л. 171].

Очень остро граф отреагировал на новые перестановки в правительстве, за которыми он видел влияние Александры Фёдоровны: «Сменили Макарова (Макаров Александр Александрович (1857–1919) – с 7 июля 1916 по 20 декабря 1916 занимал пост министра юстиции. – Д.Р.), назначили беспринципного Добровольского (Добровольский Николай Александрович (1853–1918) – министр юстиции с 20 декабря 1916 по 28 февраля 1917 г. – Д.Р.), не пользующегося никаким уважением среди юристов. Полный и роковой хаос и непонимание положения, при преступном “соправительстве” полоумной истерички!» [10, л. 189]. Увольнение пре-

мьера А.Ф. Трепова и назначение вместо него князя Голицына, а также назначение Щегловитова председателем Госсовета Шереметев объяснял симпатиями к ним императрицы и считал это проявлением пренебрежения к общественному мнению со стороны императорской четы. «Такая ненормальность не к добру. Безволие в борьбе с роковой женщиной – явное», – резюмировал граф [10, л. 190–191].

Как видно из этих записей, Шереметев не скрывал своей антипатии к Александре Фёдоровне, считая её чуть ли не корнем всех зол. Подобного мнения придерживалась и Мария Фёдоровна. Находясь в Киеве, она записала в дневнике 6 января 1917 года: «Очень обеспокоена положением в столице. Если бы только Господь открыл глаза моему бедному Ники и он бы перестал следовать её (Александры Фёдоровны. – Д.Р.) ужасным советам. Какое отчаяние! Всё это приведёт нас к несчастью!» [15, с. 164)].

Через два месяца после записи этих слов произошла Февральская революция. Шереметев воспринял её как закономерный итог «упорства бессильной и ненормальной власти женщины» [11, л. 33]. В марте 1917 года он с удовлетворением записал об аресте подруги императрицы Анны Вырубовой: «Она того заслужила: всё это заслуги истеричных баб и гнусного их аманта (любовника. – фр.) (имеется в виду Распутин. – Д.Р.)! Всё что привело к “отупению” наверху и к переживаемым последствиям, которые неисчислимы и возвращают нас на триста лет назад!» [11, л. 52].

Выводы

Таким образом, на протяжении всего периода царствования Николая II отношения между императрицами складывались весьма непросто. Слишком разными были их характер и поведение: блистающую в свете Марию Фёдоровну не устраивало, что её невестка ведёт замкнутый образ жизни. Это, по её мнению, отражалось на популярности её сына, а нежелание царской четы принимать гостей не позволяло сформировать им достоверную картину происходящего в стране. Именно эта претензия была одной из наиболее часто встречающихся в записях Шереметева.

Другой причиной их недовольства стало растущее в годы Первой мировой войны политическое влияние Александры Фёдоровны на Николая II, степень которого они во многом преувеличивали (до Первой мировой войны императрица практически не касалась в переписке с Николаем II политических тем и не влияла на принятие им решений. [20]. Что касается военного периода, то, по подсчётам историка Ф.А. Гайды, Александра Фёдоровна в июне 1915 – ноябре 1916 гг. в своих письмах настаивала на отставке 12 членов Совета министров, однако с учётом контекста событий нет оснований считать, что когда-либо её голоса становился решающим. В то же время в августе 1915 – декабре 1916 гг. Императрица выступала за назначение 17 кандидатов на различные правительственные посты, 8 из которых были назначены. Во всех случаях назначений Александра Фёдоровна поддерживала кандидатуры, уже инициированные самим императором, премьерами или неформальными лидерами Совета министров; исключением стала лишь кандидатура Протопопова [14, с. 441].

Особенно резок в выражениях был Шереметев, во многом предубеждённый к императрице. В беседах с Марией Фёдоровной он лишь укреплялся в весьма критическом восприятии её невестки. На этом примере можно увидеть, как вдовствующая императрица, обладавшая в обществе большим авторитетом и популярностью, внесла свой вклад в формирование негативного образа Александры Фёдоровны.

Библиография

1. Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5041. Дневник графа С.Д. Шереметева. 1894–1896 гг.
2. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5044. Дневник графа С.Д. Шереметева. 1898 г.
3. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5051. Дневник графа С.Д. Шереметева. 1906 г.
4. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5053. Дневник графа С.Д. Шереметева. 1908 г.
5. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5054. Дневник графа С.Д. Шереметева. 1909 г.
6. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5055. Дневник графа С.Д. Шереметева. 1910 г.

7. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5056. Дневник графа С.Д. Шереметева. 1911 г.
8. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5059. Дневник графа С.Д. Шереметева. 1914 г.
9. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5060. Дневник графа С.Д. Шереметева. 1915 г.
10. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5061. Дневник графа С.Д. Шереметева. 1916 г.
11. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5062. Дневник графа С.Д. Шереметева. 1917 г.
12. Боханов А.Н. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997. 446 с.
13. Буксгевден С. К. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Фёдоровны, императрицы всероссийской. М.: Русский хронограф, 2010. 528 с.
14. Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 604 с.
15. Дневники императрицы Марии Фёдоровны. 1914–1920, 1923 годы / Науч. ред., вступ. ст., коммент. и пер. Ю. В. Кудриной. М.: Вагриус, 2005. 701 с.
16. Крылов-Толстикевич А.Н. Быть русской императрицей. М.: Гала Пресс, 2003. 432 с.
17. Кудрина Ю.В. Императрица Мария Фёдоровна и император Николай II. Мать и сын. М.: Вече, 2013. 432 с.
18. Мосолов А.А. При дворе императора. Рига: Филин, 1938. 232 с.
19. Переписка Николая и Александры / [сост. А.А. Сергеев]. М.: Захаров, 2013. 928 с.
20. Русин Д.О. “Как бы я хотела оказать Ники реальную поддержку...”. Влияние императрицы Александры Фёдоровны на политические решения Николая II перед Первой мировой войной // Родина. 2017. № 4. С. 115–118.
21. Хереш Э. Александра. Трагедия жизни и смерти последней русской царицы. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 416 с.

Русин Даниил Олегович. Аспирант кафедры истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: rusindanil@gmail.com

**PERCEPTION OF ALEXANDRA FEODOROVNA IN THE COURTYARD OF THE
DOWAGER EMPRESS MARIA FEODOROVNA
(BASED ON S.D. SHEREMETEV'S DIARY)**

DOI: 10.25629/HC.2021.05.S12

Rusin D.O.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article is devoted to the analysis of the perception of the wife of Nicholas II Alexandra Feodorovna by the Dowager Empress Maria Feodorovna and her court, a prominent representative of which was Count Sergei Dmitrievich Sheremetev. The last Russian Empress often became the subject of their conversations, which the count reflected in detail in his diary. Based on this source, the author tries to reconstruct the ideas about Alexandra Feodorovna that existed in the courtyard of the Dowager Empress. Given the great authority of Maria Feodorovna, this perception made a significant contribution to the formation of a certain image of her daughter-in-law in society. In the course of the research, the author cites numerous censorious remarks that Maria Feodorovna and Sheremetev made to Alexandra Feodorovna, and finds out how much the image that they created corresponded to the real one. He comes to the conclusion that the most common disagreement on their part in relation to the wife of Nicholas II were her secluded life, which isolated the royal couple from society, and the growing political influence of Alexandra Feodorovna. Numerous criticisms of Sheremetev about her, largely got from conversations with the Dowager Empress, in the author's

opinion, prove the influence of the latter on the creation of a negative image of her daughter-in-law in Russian society at the beginning of the 20th century.

Keywords: Empress Maria Feodorovna, Empress Alexandra Feodorovna, Sergei Dmitrievich Sheremetev, Nicholas II.

References

1. RGADA. F. 1287. Op.1. D. 5041. Diary of Count S.D. Sheremetev. 1894–1896. (In Russian).
2. RGADA. F. 1287. Op.1. D. 5044. Diary of Count S.D. Sheremetev. 1898. (In Russian).
3. RGADA. F. 1287. Op.1. D. 5051. Diary of Count S.D. Sheremetev. 1906. (In Russian).
4. RGADA. F. 1287. Op.1. D. 5052. Diary of Count S.D. Sheremetev. 1907. (In Russian).
5. RGADA. F. 1287. Op.1. D. 5053. Diary of Count S.D. Sheremetev. 1908. (In Russian).
6. RGADA. F. 1287. Op.1. D. 5054. Diary of Count S.D. Sheremetev. 1909. (In Russian).
7. RGADA. F. 1287. Op.1. D. 5055. Diary of Count S.D. Sheremetev. 1910. (In Russian).
8. RGADA. F. 1287. Op.1. D. 5056. Diary of Count S.D. Sheremetev. 1914. (In Russian).
9. RGADA. F. 1287. Op.1. D. 5060. Diary of Count S.D. Sheremetev. 1915. (In Russian).
10. RGADA. F. 1287. Op.1. D. 5061. Diary of Count S.D. Sheremetev. 1916. (In Russian).
11. RGADA. F. 1287. Op.1. D. 5062. Diary of Count S.D. Sheremetev. 1917. (In Russian).
12. Bokhanov A.N. *Nikolay II* [Nicholas II]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1997, 446 p. (In Russian).
13. Buxhoeveden S.K. *Vencenosnaya muchenica. Zhizn' i tragediya Aleksandry Fyodorovny* [Crowned Martyr. The life and tragedy of Alexandra Feodorovna, Empress of Russia]. Moscow, Russkiy hronograf Publ., 2010. 528 p. (In Russian).
14. Gaida F.A. *Vlast' i obshchestvennost' v Rossii: dialog o puti politicheskogo razvitiya (1910–1917)* [Power and Public in Russia: Dialogue on the Way of Political Development (1910-1917)]. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2016. 604 p. (In Russian).
15. *Dnevniky Imperatitsy Marii Fedorovny 1914–1920, 1923* [The Diaries of Empress Marie Feodorovna 1914–1920, 1923] / Kudrina Yu.V. (ed.). Moscow, Vagrius Publ., 2005. 704 p. (In Russian).
16. Krylov-Tolstikov A.N. *Byt' russkoy imperatitsey*. [To be a Russian empress]. Moscow, Gala Press Publ., 2003. 432 p. (In Russian).
17. Kudrina Yu.V. *Imperatitsa Mariya Fyodorovna i imperator Nikolay II. Mat' i syn* [Empress Maria Feodorovna and Emperor Nicholas II. Mother and son]. Moscow, Veche Publ., 2013. 432 p. (In Russian).
18. Mosolov A.A. *Pri dvore imperatora* [At the court of the Emperor]. Riga, Filin Publ., 1938. 232 p. (In Russian).
19. *Perepiska Nikolaya i Aleksandry* [Correspondence between Nicholas and Alexandra] / A.A. Sergeev (ed.). Moscow, Zakharov Publ., 2013. 928 p. (In Russian).
20. Rusin D.O. “How I would like to provide Niki with real support...”. The influence of Empress Alexandra Feodorovna on the political decisions of Nicholas II before the First World War. *Rodina*. 2017. No. 4. P. 115–118. (In Russian).
21. Heresh E. *Aleksandra. Tragediya zhizni i smerti posledney russkoy tsaritsy*. [Alexandra. The tragedy of the life and death of the last Russian tsarina]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1998. 412 p. (In Russian).

Rusin Daniil Olegovich. Postgraduate Student, Department of Russian History in the 19th century – early 20th century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. E-mail: rusindanil@gmail.com